

ЕЛЕНА САУЛИТЕ

ЗДРАВСТВУЙ, ТРУП

Елена Саулите
Здравствуй, труп

«Елена Саулите»

2022

Саулите Е.

Здравствуй, труп / Е. Саулите — «Елена Саулите», 2022

Профессиональный интерес частного детектива Ольги Палевой приводит ее к расследованию серии убийств, всколыхнувших тихий подмосковный городок. Как определить грань, отделяющую законопослушного гражданина от матерого убийцы, презирающего человеческие законы? Много ли нужно для того, чтобы переступить эту черту? В подобных случаях для следователя становится важным не просто вычислить преступника, но и разобраться в глубинах человеческой психологии, докопаться до мотивов, толкающих человека совершить, казалось бы, немыслимое. Незаурядный талант, твердость духа и принципиальность помогают Ольге блестяще раскрывать самые запутанные дела. Но получится ли на этот раз?

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	18
Глава четвертая	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Елена Саулите Здравствуй, труп

Елена Саулите

* * *

Глава первая

Густой фиолетовый как чернила январский вечер застыл над городом. Трескучий мороз сковал воздух – ледяной, колючий – он больно обжигал горло, а нос у Павла был заложен, потому приходилось дышать ртом. Он натянул мохнатый шерстяной шарф на нос, зябко поежился и перешел пустынную улицу. До дома оставалось два квартала пешком. Пешком потому, что два года назад Павел взял за правило возвращаться с работы на своих двоих, воздухом же нужно когда-то дышать. На улице ни души, редкие машины, подслеповато помаргивая воспаленными глазами габаритов, проносились мимо и мгновенно пропадали во мгле. Народ отсиживался дома, дивясь на упорно падающий столбик термометра и понося грянувшие морозы на чем свет стоит.

– Минус тридцать семь! Еще грипп этот проклятущий, – ворчал Павел.

В последние годы он начал много брюзжать, отдавал себе в этом отчет, но жизнь закладывала такие крутые виражи, что нервы совсем расшатались, давление скакало, мучили головные боли.

Семь лет назад, когда Павел Градов с другом основали фармацевтическую фирму «Джитек», он был полон сил и энергии. Работали как черти, дела шли в гору, завелись хорошие деньги, но тут Павел дал сбой, начал попивать. Повод для встреч с зеленым змием находился без труда: нервы, усталость, семейные проблемы, удачная сделка, да мало ли... Истинная же причина его пьянства заключалась в распушенности и дурной наследственности. Только теперь, когда Градов остался не у дел, мусолить события семилетней давности и корить себя за безволие и глупость не имело смысла. Стоило Павлу уйти в очередной запой, как бывший друг и компаньон вывел его из состава учредителей, сунул в зубы энную сумму денег и послал ко всем чертям. Павел хорошо помнил, как Андрон на открытом совещании во всеуслышание сказал:

– В ваших услугах, Пал Андреич, больше не нуждаемся. Вам хочется катиться вниз, мы же нацелены взбираться наверх. А финансовая лестница, она, ух, какая крутая! Короче, нам с тобой, Паша, больше не по пути.

Воспользовавшись запоем партнера, Андрон подсунул Павлу договор о продаже его доли бизнеса за символическую сумму. Оскорбленный Павел в пьяном угаре подписал не глядя. Иными словами, «друг» без зазрения совести облапошил дурака. Можно было попробовать доказать незаконность совершенной по пьяной лавочке сделки и отсудить свои деньги, но Павел побаивался: за Андронем стояли серьезные люди в Москве. «Лучше быть бедным, но живым», – решил он и отпустил все.

Теперь Андраник Каспаров жил не напрягаясь, контролировал хорошо отлаженный бизнес и стриг купоны, снисходительно поплеывая на бренную землю. Первый год после расставания с компаньоном Павел продолжал безбожно пить и яростно ненавидеть бывшего друга, потом опомнился, взял себя в руки и на оставшиеся деньги открыл небольшой мебельный магазин. Прежний уровень благосостояния был ему теперь не по карману, но жили они с женой и детьми в приличном двухэтажном коттедже, построенном во времена былых прибылей, жили и не жаловались. Старшая дочь Лиза два года назад окончила Плехановку, слыла редкостной красавицей и доставляла Павлу немало забот. Яркая, самолюбивая, с непомерными амбициями, одевалась дорого, с мужчинами не церемонилась, что не так – отваживала без лишних слов, работу меняла ежемесячно – с начальством не уживалась. Беспokoился за нее Павел. Отчего? Сам не мог объяснить, просто душа ныла, и все тут. Младшая, восьмилетняя любимица – Варя, сероглазая и веселая, любила отца до самозабвения, он отвечал ей тем же.

Павел остановился на перекрестке и нащупал в кармане большую плитку «Аленки», для нее, для Варюшки, – она для него свет в окошке, глоток воздуха в затхлом миреке унылого про-

винциального существования. Бизнес шел тяжело, конкуренты душили демпинговыми ценами, каждодневная борьба за выживание. Андрона, с которым они с детства были не разлей вода, не простил. Мучила его эта обида, нутро жгла, душу разъедала, здоровье подтачивала. Ни на минуту о ней не забывал. Засыпал и просыпался с мыслью о мести. Забыв о больном горле, Павел глубоко вздохнул и отчаянно закашлялся – морозный воздух безжалостно ободрал и без того воспаленное горло. Отдышавшись, он снова побрел к дому. Красная крыша его коттеджа явственно виднелась среди обметанных инеем ветвей старой липы. Из окон приветливо струился яркий теплый свет. Большой темный силуэт Марины, по обыкновению, хлопотавшей на кухне, обещал сытный ужин и спокойный домашний вечер, и Павла немного отпустило.

«Все не так уж плохо. Мой дом – моя крепость», – подумал он и нажал кнопку звонка.

В ту же секунду в кармане дубленки завибрировал мобильник, Павел вытащил телефон, взглянул на слабо светившийся в темноте экран и шепотом выругался:

– Сабина, черт ее дери! Знает же, стерва, что в семь я всегда дома.

Вот уже четыре года Сабина была его любовницей. Отношения с ней Павла тяготили давно, но на разрыв он не решался, духу не хватало. Нажав на отбой, он отключил телефон и сунул его в потайной карман, жена любила время от времени покопаться в списке звонивших. «Ревнивая она у меня. Огонь», – усмехнулся он. – «Чем шире в талии, тем подозрительнее».

Дверь распахнулась, и Варюшка с веселым визгом повисла на шее отца:

– Привет, па-а-а! Чего принес?

– погоди, дай хоть разденусь. Вот беспокойное хозяйство, – с напускной суровостью ворчал Павел, обнимая кудрявую шалуню.

Варвара вьюном вилась около отца, поминутно засовывая любопытный нос в отцовские карманы.

– Господи, ты бы еще в штаны заглянула, – проворчала подошедшая Марина. Она бесцеремонно отстранила дочь и звонко чмокнула Павла в щеку.

– Калугин не звонил? – спросил Павел, протягивая ей пальто и шапку.

– Нет. А ты что, опять в долг ему дал? – настороженно спросила жена.

– Да, не-е-ет. Ты, как всегда... Только о деньгах и думаешь, – поморщился Павел и пошел в ванную мыть руки. – Ужинать сейчас будем или Лизавету подождем?

– Дождешься ее, как же! – отозвалась с кухни Марина, раздраженно гремя кастрюлями. – Звонила полчаса назад, сказала, что Андрон ее работой завалил. Задержится до десяти.

– Ничего, пусть работает. Все лучше, чем по кафешантанам болтаться, – рассудительно сказал Павел, усаживаясь за стол.

Варя примостилась рядом и ласково по-кошачьи потерлась о рукав его рубашки, Павел пригладил реденькие пегие виски и наконец расслабился. Он принадлежал к той части российского населения, что выросла в советских хрущевках. Там на крохотных кухоньках родители принимали гостей, шепотом ругали Брежнева, пели задушевные песни, выясняли отношения и воспитывали (и замечательно воспитывали!) детей. Оттого, вероятно, кухня и заняла в сердце Павла особое место, здесь и только здесь ему отдыхалось лучше всего. Не в отдельной комнате с буржуйским названием «кабинет», а за овальным, накрытым клетчатой скатертью и освещенным теплым красноватым светом шелкового абажура столом. Варвара тихонько возилась под боком, раскладывая пасьянс, этому фокусу ее недавно научила Марина, и теперь дочь ежевечерне приставала к отцу:

– Пап, загадай желание.

Павел сдвигал брови, делая вид, что напряженно думает, потом важно кивал лысеющей головой, готово, мол. И Варвара принималась выкладывать длинную вереницу пестрых карт, она пыхла, сопела, высунув от усердия кончик розового, похожего на лепесток, языка. Через десять минут огорченно вздыхала:

– Нет, пап, не сбудется. Но ты не расстраивайся. Это пасьянс Марии Медичи, он о-о-очень трудный. Он у нее только раз в жизни сложился, перед смертью.

– Тогда, слава Богу, что не сложился. Лично я умирать пока не собираюсь, – со смехом говорил Павел и звонко чмокал сокровище в пухлую нежную щечку.

Сегодня Варюшка раскладывала молча, Марина поставила на стол тарелку с морковным салатом и картошку с грибами, поправила пышно начесанные осветленные волосы и включила телевизор. Повторяли новогодний «Огонек»: шепелявого Шуру в тулупе наизнанку сменила стиснутая тугим корсетом пышногрудая Лолита.

– Один другого краше. Глаза б не смотрели, – недовольно пробурчал Павел и переключил на местные новости. На экране вспыхнуло багровое самодовольное лицо мэра города и огненная челка ведущей передачу Сабины.

«Черт бы побрал эту бабу!» – мысленно вздрогнул Павел и поспешно переключился обратно на концерт.

Разбитная Лолита лихо посылала какого-то бедолагу «на небо, за звездочкой», и Павел опять поморщился:

– Не эстрада, а кунсткамера какая-то. Смотреть нечего!

Марина, давняя поклонница Лолиты, бросилась на защиту кумира:

– Вечно ты брякнешь. Еще бы музей мадам Тюссо вспомнил! Да Лолита – гениальная женщина! Мне бы так выглядеть на шестом десятке!

– Ой, не дай Бог, ты до такого маразма дойдешь, сразу разведусь. Так и знай, – поддразнивал жену Павел, бессознательно вымещая на ней скопившееся за день раздражение. Марина, женщина эмоциональная и недалекая, послушно проглотила наживку и вспыхнула.

– Успокойся. Не докачусь. Для такого деньги бешеные нужно иметь, а у нас их не предвидится.

– Ну понесла-а-а, – с досадой протянул Павел, решительно отставил в сторону тарелку с недоеденной картошкой и поднялся. – Спасибо, я сыт. Пойду к себе.

С грохотом отодвинув стул, он направился в кабинет, на секунду задержался возле Варюшки, ласково погладил дочь по голове, словно извиняясь за их с Мариной пустую перебранку, и вышел из кухни.

– На правду не обижаются, – донесся до него язвительный голос жены.

– Как старуха из «Сказки о рыбаке и рыбке», ей-богу! – бормотал Павел, осторожно пробираясь по полутемному коридору.

Кабинет располагался в дальнем конце дома возле кладовки.

– Глаза завидующие, руки загребущие. Все мало, всегда мало, – шепотом ворчал он, запираясь на ключ.

Плохонький камин, походивший на низкую печь, сиротливо взирал на него пустой черной глазницей. Павел давно мечтал облицевать его мрамором, но все как-то по деньгам не вытанцовывалось. Вооружившись кочергой, он аккуратно вычистил золу, нащипал лучины, разжег огонь и подбросил пару сосновых поленьев. Временами ему хотелось побыть в одиночестве, поразмышлять, тогда Градов располагался у камина и, пристально глядя в затейливо переплетающиеся рыжие лоскуты пламени, думал, думал...

Придвинув к ожившему камину старенькое кресло, он уселся с твердым намерением просидеть так до прихода дочери. Огонь страстно вылизывал недовольно потрескивающие поленья, и Павел задумался.

В последнее время жизнь шла наперекосяк; бизнес постепенно умирал; жена заела; любовница мотала нервы и сосала деньги, будто пиявка; Лиза тревожила; и только Варенька, ангел, грела душу.

«Который час? – спохватился Павел и озабоченно взглянул на каминные часы. – Уже половина десятого, а Лизы еще нет».

Полгода назад после очередного увольнения и вынужденного двухмесячного безделья Лизы он устроил дочь к Каспарову секретарем. Андрон неохотно пошел на это, заявив, что иметь с Павлом какие бы то ни было дела зарекся. Однако, спустя месяц, уступив настояниям заботливого родителя, сдался и установил для взбалмошной Елизаветы (а о том, что она с «норовом», знал уже весь город) три месяца испытательного срока. Испытательный срок закончился два месяца назад. Лиза получила постоянное место в компании, зарплату ей повысили, и беспокоиться, казалось бы, больше не о чем. Павел, однако, тревожился, одолевали нехорошие предчувствия, он старался гнать дурные мысли, но они упорно возвращались. Старый стал, пятьдесят три – это вам не фунт изюму. Нервы ни к черту, здоровье хилое. Павел тяжело поднялся, подошел к сейфу, достал оттуда бутылку армянского «Ани» и налил полбокала. Пить он бросил, но время от времени позволял себе в качестве сосудорасширяющего сто грамм. Выпил залпом, удовлетворенно крякнул, вытер рот ладонью и, вспомнив о звонке Сабины, решил отложить разговор до завтра.

«Опять денег просить будет, крохоборка, – неприязненно думал он, доставая из шкафа теплый шотландский плед. – Пора с ней прощаться. Вот только как? Девка ушлая, точно рыба-прилипала. Попробуй отвяжись».

Тяжело вздохнув, Павел закутался в мохнатый плед и вернулся к огню. Догорающие поленья подернулись мерцающими золотыми сполохами, Павел поправил их кочергой. «Господи, вот так бы и помереть. Уснуть и не проснуться, – отрешенно думал он. – Устал, смертельно устал...»

Его не беспокоили, Марина с Варюшкой наверняка смотрели очередное дурацкое ток-шоу. Мысли ворочались, как медведи в берлоге: все ленивее и тяжелее. Незаметно для себя Павел задремал. Спал тревожно, снилась галиматья: галдящая толпа обозленных родственников и вонючий грязный пруд, в котором он, Павел, невесть как очутился. Проснулся от негромкого, но настойчивого стука.

– Что? Кто здесь? – подхватился он, ошалело озираясь.

В комнате было темно, камин давно погас, глухая тьма напозла со всех сторон, лишь от окна слабо струился скупой свет уличного фонаря. Павел подслеповато прищурился, сясь разглядеть циферблат часов, когда в дверь снова поскреблись. Кряхтя и покашливая, он поднялся – ноги затекли, спину ломило. Сказался сон в неудобной позе.

– Ну кто там еще? – сиплым спросонья голосом спросил он.

Из-за двери послышался срывающийся шепот Лизы:

– Папа! Папа! Открывай! Скорей открывай, слышишь!

– Здрасьте, пожалуйста. Явилась – не запылилась. Ночь на дворе. Люди спят, а ей тринтрава. Потрепаться захотелось, – недовольно бубнил Павел, роясь в карманах брюк в поисках ключей.

– Быстрее, папа. Быстрее, – встревоженно лепетала дочь за дверью.

– Бог мой, да что случилось-то? – нотки отчаяния в голосе дочери насторожили Павла. Понял – произошло непоправимое. Его разом затрясло, пальцы одеревенели, и он с трудом попал ключом в замочную скважину.

Лиза вихрем ворвалась в кабинет и кинулась к отцу, руки тряслись, бледное лицо перекошено, густые черные волосы растрепались, как у ведьмы. От неожиданности Павел отшатнулся. Бросившись на шею отца, она громко прерывисто зашептала:

– Папа, я убила его. Убила! Что делать?

Павел оторопел:

– Что ты городишь? Кого ты убила?

– Каспарова, папа. Убила! – и она бурно разрыдалась.

Глава вторая

Вечером из заплеванного подъезда местной телекомпании «Наше ТВ» вывалилась гомонящая толпа сотрудников, журналисты живо обсуждали прямой эфир с мэром города Свешниковым и кандидатом в депутаты Государственной думы Сергеем Пармоновым. Кандидат, будучи близким другом мэра, пользовался безграничной поддержкой последнего.

Компания остановилась под ближайшим фонарем, мужчины столпились вокруг эффектной огненно-рыжей девицы лет тридцати.

– Ну ты, Сааба, и отожгла! Когда ты ввернула, что, по мнению общественности, строительство новой школы будет разморожено только после того, как Свешников достроит сыну особняк, я думал, тебе конец. Смело, мать, смело! – высокий худой редактор программы Саша Козинцев порывисто обнял девушку. Это с его легкой руки за броскую внешность и стильность ее прозвали в редакции Саабой.

– Спасибо. Только Иваныч тоже не промах. Удар держать умеет, – рассмеялась Сабина.

– Точно. Он и глазом не моргнул, когда заявил, что дворец на берегу – детский санаторий-профилакторий, а сплетни про особняк – очередные козни недоброжелателей. Интриган. Врет как дышит! – поддержал ее лысый оператор Вася Рахманов.

– Скользкий тип. Прошаренный. Думаешь, взял его за горло, ан нет! Он, как угорь: юрк – и в руках ничего, кроме вонючей слизи, – согласился Козинцев.

Накануне предвыборной кампании мэр, известный вор и взяточник, лоббировал своего подельника Сергея Пармонова на пост депутата Госдумы, рисовал перед потенциальными избирателями мармеладное будущее города под крылом «патриота и бессребреника» Пармонова. Ходили слухи, что Пармонов тесно связан с игорным бизнесом области, но мэр категорически отвергал подобные обвинения, называя их происками конкурентов, сиял благодостной улыбкой праведника и клялся блюсти интересы рузавинцев как свои собственные.

– Администрация города делает все возможное для блага нашего населения. При мощной поддержке депутата Сергея Пармонова она сделает и невозможное. Даем вам слово.

После эфира чиновник охотно откровенничал с журналистами, делясь азами человеческой психологии:

– Я следую старинному правилу русских ямщиков: «Чтобы лошадь бежала шустрее, кормить досыта ее не нужно и даже вредно. Достаточно подвесить клочок сена перед голодной мордой скотины». Дешево и сердито. Учитесь, пока я жив, – выдавая сей оголтелый цинизм за мудрость поколений, он снисходительно глянул на репортеров, ожидая одобрения.

– Цинично, но верно, – с притворным пониманием закивали издавшие виды журналисты.

Подхалимаж и лицемерие – неотъемлемая часть общения с сильными мира сего, увы. Стоило, однако, раздувшемуся от сознания собственной значимости Свешникову выйти из студии, как возмущенный Козинцев яростно плюнул ему вслед и выругался: «Да чтоб ты сдох, ворюга!»

Обсудив программу и выпустив пар, репортеры постепенно расходились. На ходу поигрывая ключами от машины, весьма довольная собой, Сабина направилась к стоявшей поодаль изумрудно-зеленой «восьмерке». Тонкие каблукы высоченных красных сапог тяжело проваливались в давно не чищенный снег, путаясь в полах длинной лисьей шубы и громко негодуя, она осыпала нерадивых дворников всеми известными ей проклятиями. Усевшись в машину, она посмотрелась в зеркало заднего вида, привычно поправила густую квадратную челку и призадумалась. Грядущий вечер многое обещал. Ее сегодняшний эфир с мэром удался, она оказалась на высоте, задавала провокационные вопросы, удачно шутила и произвела на Свешникова неизгладимое впечатление. Прощаясь, он шепнул ей:

– Сабина, вы меня просто потрясли. Сегодня по случаю моего дня рождения в «Лауре» банкет, я жду вас в двадцать ноль-ноль. Отказы не принимаются. Охране скажете, что приглашены лично мной. Жду! – с этими словами он вручил ей визитку, лукаво подмигнул и больно ушибнул пониже спины.

«Старый сатир», – скривилась Сабина, вспомнив оскорбительную выходку Свешникова. Она была не глупа – отлично понимала, что Свешников оценил ее ум и дерзость и, будучи прожженным интриганом, решил с ней «сдружиться», тем самым обезоружить. «Держи врагов ближе, чем друзей, – вспомнила она заезженный афоризм Сунь-Цзы. – Прикормить решил, прохиндей. Хотя... связь с мэром – не то, что с Пашкой-неудачником. Из такой “дружбы” можно извлечь много полезного. Еду. Решено. Окончательно и бесповоротно», – решила она, взглянула на часы, завела машину и, не торопясь, вырулила на плохо освещенную обледенелую трассу.

Честь, совесть, моральные принципы и прочий пафос (по мнению Сабины, это было именно так) она считала непозволительной роскошью. Девушка из народа, Сабина сама пробивала дорогу, не гнушаясь при этом никакими средствами. Нахлебавшись «счастья» с отцом-алкоголиком и забитой матерью, похожей на испуганную мышь, до сих пор торговавшей консервами и водкой в местном сельпо, она твердо знала, чего хочет от жизни. Денег и связей. Связей и денег. И неуклонно двигалась к поставленной цели.

Ресторан, в который она направлялась, располагался в двадцати километрах от города, на территории природного заповедника Белоус. Он назывался «Луара», но мэр о существовании главной реки Франции, очевидно, не подозревал и окрестил его «Лаурой», то есть о Петрарке он краем уха слышал, а значит, был не безнадёжен. Трасса была пустынной, крещенские морозы делали свое дело. Сабина уверенно выжимала сотню в час, минут через двадцать она планировала быть на месте.

Девушка работала в городской телекомпании пять лет и успела сделать карьеру. Ныне она считалась местной звездой, вела городские новости и популярную программу «Прямой эфир», одевалась броско, водила машину. В городишке с населением в сто тридцать пять тысяч таких девушек было немного. Ее узнавали на улицах, ребятня тыкала пальцами, женщины завистливо щурились, мужчины восхищенно цокали языком и провожали долгими взглядами.

Но Сабине хотелось большего, она только-только вошла во вкус. Душа требовала полета. самого мэра к рукам прибрать – не хило! Игра стоила свеч. Совесть ее, однако, покусывала. Как ни крути, а Павел ее целых три года содержал, до тех пор, пока она не начала зарабатывать сама.

– Ну и что! – ответила она некстати проснувшейся совести. – Хватит миндальничать! Пора становиться стервой. Учитывая, что Пашенька уже давно так меня называет. Мне нужно устраивать жизнь, а у него – гарем во главе с толстомясой Маринкой. Сегодня даже мобильник отключил, болван!

«Стать фавориткой мэра очень заманчиво, но ведь за все рано или поздно приходится платить. Фаворитки приедаются, и тогда...» – Сабина даже передернулась, припомнив поучительные истории королевских любовниц. Особенно трагичной была судьба фаворитки польского короля Августа Второго – образованной красавицы Анны Козельской, после восьми лет роскошной жизни следующие сорок девять бедняжка прозябала в тюрьме. У медали всегда имеется обратная сторона. Увы. «Однако, – продолжала размышлять Сабина, – используя нужную стратегию, умная женщина имеет хороший шанс заполучить бразды правления, мужчине же отвести скромную роль принца-консорта. Будет следовать на шаг позади и помалкивать. Так что, если с умом...»

Сабина даже зажмурилась, представив себя в роли Елизаветы Второй, и со всего маху врезалась в гигантский сугроб у обочины.

– Ах! Чтоб тебя! Размечталась, идиотка, – выругалась она, выскакивая из машины.

«Восьмерка» плотно села передними колесами в высоченный сугроб. Шоссе пустовало, в такой мороз люди добрые по домам сидят да водку кушают. Вокруг ни души. Даже зайцы, обыкновенно шастающие через заповедную дорогу, что городские собаки, будто вымерли. Мороз-морозище.

За город Сабина не выезжала давно – морозный воздух, величественные сосны и торжественно-звездное небо над головой, красота-то какая! Только реквиема не хватает! Запрокинув голову, девушка залюбовалась: звезды – холодные, чистые, равнодушные – чуть заметно подрагивали в черной глубине ночного неба, и тишина – пронзительная, звенящая. Сабине показалось, что она разом оглохла, до того тихо было вокруг. Она внезапно испугалась. Поэтическое очарование ночного леса как рукой сняло. Сабина в смятении огляделась. Ни души. Только глухой черный лес вокруг. Гигантские черные сосны, обступившие дорогу, угрожающе нависли над одинокой женщиной, пугливо жмущейся к машине.

– Вот угораздило. Может, не стоило мне ехать? Дурной знак, однако, – рассуждала она шепотом, отыскивая в багажнике лопату.

Откапывать машину, днище которой крепко село в снег, оказалось мучительно. Сабина пыхла, потела, даже матом ругнулась на всякий пожарный, вдруг поможет, но машина и не думала высвободиться. На попытки Сабины газануть она только дико выла и все глубже зарывалась в сугроб. Вспотевшая и вымотанная, Сабина выбросила лопату и всплакнула от бессилия. От лютого мороза сосны вокруг чуть слышно потрескивали. Почувствовав, что коченеет, она забралась обратно в салон. Неподвижно сидеть в машине, пусть и с работающим двигателем, когда за бортом минус сорок, не лучший выход из положения. Первыми дали знать о себе ноги, они начали постепенно ныть, потом неметь и болеть, потом заledenели руки, следом нос, а еще минут через двадцать Сабину затрясло, нижняя челюсть отплясывала такой канкан, что кордебалету «Мулен Руж» и не снилось.

– Черт! Как там у Высоцкого? Эх, что за кони мне попались? Привередливые... – уныло пропела она и смолкла.

«И все-таки какое свинство: ехать к самому мэру и так бесславно застрять. Не судьба... Или судьба-злодейка», – удрученно размышляла она.

В поисках запасных рукавиц Сабина сунулась в бардачок и неожиданно наткнулась на фляжку с коньяком, вероятно, забытую Павлом.

– О! Смерть прекрасной одалиски временно отменяется, – взбодрилась девушка, отвинчивая металлическую крышку, – поживем еще. Во всяком случае, на пару часов горячего хватит.

Сделав приличный глоток, она поморщилась, отчего рыжие веснушки на носу побелели, часто заморгала, чтобы набежавшая слеза не испортила макияж, и снова выбралась из машины. Шоссе по-прежнему пустовало. Вздыхнув, Сабина натянула рукавицы и снова взялась за лопату. Поработав минут десять, она отчаянно выругалась, отбросила ее прочь и бессиленно привалилась к капоту. И тут вдалеке показались огни идущей машины. Сабина мгновенно востроилась и с радостным воплем выскочила на середину дороги. Она прыгала, махала руками и вопила, точно Робинзон, увидевший на горизонте долгожданный корабль. Машина мчалась на огромной скорости, Сабина приплясывала от радости, предвкушая скорое спасение. Форд «маверик» пронесся по кромке шоссе, обдав девушку облаком снежной пыли, с визгом остановился, дал задний ход и медленно подрулил к Сабине. Из машины вылезли два бритоголовых парня в черных водолазках, черных пиджаках и кожаных перчатках без пальцев:

– Что? Села, детка? – спросил один.

– Ясен перец, села, – гоготнул второй.

– Ой, мальчишки, села, – залепетала Сабина, пугливо пятясь к своей машине. Спасители выглядели столь сомнительно, что она уже не знала: радоваться ей привалившей подмоге или молить Господа о помощи.

Парни молча обошли вокруг застрявшей машины и остановились напротив Сабины. Тот, что был ниже ростом, длинно сплюнул и процедил:

– Короче, лапа. Нам тут корячиться в лом. Щас вызову эвакуатор, а ты прыгай в машину, подвезем куда надо. Лады, куколка? По вызову, чо ли, работаешь?

Сабина молча хлопала глазами, лихорадочно соображая, как ей выгоднее себя повести.

– Э, да ты глухая, что ли? Лезь в машину, сука. По дороге нас обслужишь. Мы ребята не жадные, заплатим, – произнеся эти слова, коротышка как бы невзначай распахнул пиджак, и Сабина увидела висящую на боку кобуру.

В голове помутилось, ни слова не говоря, девушка резко повернулась и бросилась бежать по дороге. Бежала она тяжело, неуклюже, как на ходулях, резко выбрасывая ноги вперед. Сообразив, что на хорошо просматриваемой местности ее проще подстрелить, она приняла влево, одним прыжком перемахнула через сугроб и понеслась по направлению к лесу. Следом летели зычный хохот, свист и улюлюканье братвы:

– Ой, е-мое, смотри ботфорты не потеряй!

Не добежав до спасительного леса каких-нибудь десяти метров, Сабина провалилась в сугроб и увязла по самую грудь. Выбраться не получалось. «Братки. Уголовники. Изнасилюют и убьют! – билось в голове. – Убьют и в сугробе закопают. До весны никто не найдет. Ой, мамочки, вот попала!»

Сердце зашло от страха, во рту резко пересохло. В отчаянии девушка сунулась лицом в сугроб, хватая ртом мерзлый снег. Он был жесткий колючий, с темными прожилками сосновых иголок, Сабина жадно сосала его, колкий, обжигаяще ледяной, сплевывала горькую хвою и, точно перепуганный страус, зарывалась в него снова и снова. Послышался характерный скрип снега под ногами. Все ближе. Ближе. К ней кто-то шел. Сабина подняла голову и затравленно оглянулась. Так и есть! Проклятый коротышка направлялся прямо к ней, поверх пиджака красовалась крутая дубленка. Подобно застрявшей на обочине машине, девушка не могла сдвинуться с места. Сердце неистово колотилось от страха, Сабине казалось, что она вот-вот потеряет сознание.

– Ты чего ж, как сайгак. Мы, чай, не звери, – подойдя к беглянке, с откровенной издевкой заявил бандит.

Он протянул руку, крепко ухватил ее за воротник шубы и одним рывком выдернул из сугроба.

– Пошли в машину.

Сабина мелко дрожала, веснушки на посиневшем лице совсем пропали, тушь расплылась вокруг глаз черными полукружьями. Коротышка покровительственно похлопал ее по плечу:

– Что-то мне твоя афиша знакома. Часто по вызовам мотаешься? Может, встречались когда?

– Тележурналистка я. Новости веду. «Прямой эфир». Вот и знакома, – неохотно ответила Сабина, стараясь держаться подальше от наглого братка.

– Ну-у-у, – изумился тот. – Извиняй тогда. Попутал малость. Так куда ж тебя понесло в такой мороз?

– На банкет. К мэру, – обиженно всхлипнула Сабина, слезы душили ее, она едва сдерживалась, чтобы не зареветь в голос.

– Ну-у-у? – взревел браток. – К Михал Иванычу?

– К Михал Иванычу, – угрюмо подтвердила Сабина. Поняв, что слово «мэр» произвело на братка нужное впечатление, она немного успокоилась и немедленно разозлилась на обидчиков.

– Дак мы тож туда. Чего ж раньше не сказала, дуреха? Мы б и пугать не стали. Мы с Антохой – народ смирный. Иногда, правда, приколоться любим. Ты, уж, извини, подруга, – примирительно сказал он.

Димыч, а мучителя звали Димой, вызвал эвакуатор, помог Сабине запереть машину и сесть в джип. По дороге в ресторан он униженно извинялся, заискивал и подобострастно заглядывал девушке в глаза, словом, непростительно мельтешил. Сабина выяснила, что Димыч и Антоха находятся в непосредственном подчинении Свешникова.

– Что-то вроде группы поддержки, – посмеиваясь в усы, балагурил Антоха. В зеленоватой подсветке приборной панели Сабина рассмотрела наконец своих «спасителей». Дима – плотный, маленький, с коротким ежиком темно-русых волос и колючим серым шрамом вдоль правой щеки; Антон – худощавый, плоский альбинос, долгоносый, как русская борзая, над верхней губой топорщились густые пшеничные усы.

– А насчет машины и думать забудьте, через полчаса ваша тачка перед «Луарой» будет стоять, – попытался загладить вину подчеркнуто любезный Димыч.

До ресторана домчались минут за двадцать. Сдержанно поблагодарив парней, Сабина отправилась в туалетную комнату «припудрить носик». Придирчиво оглядев себя в зеркале, она с сомнением покачала головой. Стилистика телепрограмм подразумевала официальный дресс-код, и Сабина строго его соблюдала. Хорошо сшитый деловой костюм цвета электрик, шелковая блуза и скромное золотое кольцо – все очень достойно. Однако следовало заняться макияжем – она аккуратно вытерла размазанную тушь, поправила основательно пострадавший в лесном происшествии тон, посредством темно-рубиновой помады придала образу чувственную томность. И... о, магия искусного мейкапа! Вместо уставшей потрепанной девицы из зеркала на нее смотрела роскошная женщина-вамп. Улыбнувшись отражению, Сабина выпрямила спину, удовлетворенно тряхнула волосами и устремилась в празднично убранный ярко освещенный зал.

Бескрайний, уходящий за горизонт стол, уставленный стройными телами бутылок, пестрел изобилием закусок: горы разноцветных салатов, золотистые фазаны и куропатки, румяные молочные поросята, фаршированные сазаны, тарты с форелью... И среди всего этого гастрономического великолепия – немислимые в зимнюю пору пышные шапки розовой гортензии, буйно пенившиеся в больших стеклянных вазах. Гостей, на первый взгляд, было не очень много, но, приглядевшись, Сабина поняла, что впечатление обманчивое и прибывших засвидетельствовать свое почтение лизоблюдов по меньшей мере человек семьдесят. От обилия драгоценностей, сверкавших на присутствующих дамах, было больно глазам. Свешников – господин весьма и весьма платежеспособный – арендовал ресторан полностью, чтобы, значит, никаких посторонних. Только свои.

«Крутая тусовка», – уважительно подумала девушка, прячась за колонну у входа.

Официальная часть банкета, очевидно, подходила к концу, потому что сухопарый дяденька в смокинге торжественно проскандировал:

– Поздрав-ля-ем!

Гости поднялись с мест и вереницей потянулись к восседавшему во главе стола Свешникову. Тот милостиво улыбался и пожимал руки жестом, достойным крестного отца.

Сабина явилась последней, и в поздравительной суматохе на нее не обратили внимания. Воспользовавшись моментом, она без помех отыскала за столом свободное место. С дегустацией она решила повременить, наблюдать за происходящим было гораздо любопытнее. Будучи журналисткой до мозга костей, Сабина не была бы собой, если бы не разнюхала здесь какой-нибудь скандальной истории. Торжество случилось незадолго до выборов, и, по ее мнению, за столом собрались потенциальные спонсоры.

«Сплошные денежные тузы! Вот с кем надо дружить!» – разглядывая гостей, завистливо думала она. Внезапно вместо сидевшего напротив внушительного толстосума ей почудился холщовый мешок, доверху набитый новенькими долларами. Картина была настолько реалистичной, что Сабина невольно потянулась к хрустким зеленоватым купюрам, ее рука беспомощно повисла в воздухе, тщетно пытаясь схватить воображаемые банкноты. Опомившись,

она густо покраснела и воровато огляделась: не заметил ли кто ее странной выходки? Окружающие, поглощенные чувствованием именинника, не обращали на нее внимания.

«Вот сморозила», – корила она себя. На память пришел забавный афоризм Орбена, утверждавшего, что «Деньги – грязь, но грязь лечебная», и Сабину понемногу отпустило.

«Деньги все любят, и ничего позорного в этом нет», – оправдала она себя и продолжила наблюдать. Просидев в засаде около получаса и получив представление о происходящем, она наконец решилась обнаружить свое присутствие, встала и решительно направилась к мэру.

При виде журналистки Свешников лицемерно осклабился, обнажив хорошо смонтированные фарфоровые челюсти, его маленькие хитрые глазки беспокойно забегали, похоже, мэр что-то замышлял.

– О! Вот и наш очаровательный рупор, – засмеялся он, поднимаясь навстречу.

Свешников постучал вилкой по бутылке «Реми Мартин», дабы привлечь внимание присутствующих, покровительственно обнял Сабину за плечи и торжественно провозгласил:

– Позвольте представить, господа! Звезда журналистики и наш бескомпромиссный городской глашатай – Сабина Тим. Прошу любить и жаловать! – С этими словами он бурно заплодировал.

Следуя его примеру, гости поднялись с мест и оглушительно захлопали. От смущения и неожиданности Сабина залилась краской и внезапно рассердилась. «Дешево покупаешь, дядя, – мысленно негодовала она. – Я же не дура – на лакейские подачки клевать».

– Присаживайтесь, милая. Здесь, возле меня. Сегодня наш вечер. Мы с вами его заслужили. Благодаря вам сегодняшнее интервью прошло блестяще. Остро, ярко, с перчинкой, – соловьем заливался Свешников, его цепкие серо-голубые глазки подернулись салом.

«Будто холодный борщ», – неприязненно подумала Сабина, вида, однако, не подала и, простодушно улыбнувшись, уселась рядом с виновником торжества.

– Думаю, нам пора перейти на ты. С этой минуты я для тебя просто Миша, – не унимался успевший захмелеть мэр.

– Хорошо, Миша. Договорились, – продолжая нарочито приветливо улыбаться, согласилась Сабина.

«Ишь, старается, хитрец. Из кожи вон лезет. Только мы еще посмотрим, кто кого обжогорит», – злорадно думала она, исподволь наблюдая за распушившим хвост Свешниковым.

Наконец мэр отвлекся на очередного поздравителя и оставил ее в покое. Ковыряясь в крабовом салате, она украдкой изучала присутствующих: было много известных в городе людей – важных чиновников и бизнесменов. По правую руку от мэра сидел его бессменный собутыльник и без пяти минут депутат – Парамонов, за ним – вечно хмурый главный прокурор Кислов, чуть дальше – с дорожкой бриллиантовой булавкой на галстук владелиц ликеро-водочного завода Шинкарев.

Так называемая группа поддержки – Димыч с Антохой – застыли поодаль, время от времени бросая на Сабину встревоженные взгляды, заклинавшие не заикаться о дорожном инциденте. Она заговорщически подмигнула Антону (на Димыча все еще сердилась), давая понять, что закладывать братков не намерена.

Оказавшись в центре внимания столь важных персон, Сабина чувствовала себя крайне неуютно. Ловя на себе взгляды присутствующих – снисходительно-любопытные мужские и откровенно презрительные женские, как бы говорившие: «Очередная штучка Свешникова? Ну-ну, милочка. И не таких видали», – Сабина отчаянно нервничала. Поминутно ерзая и поживаясь, она уткнулась носом в тарелку, стараясь не смотреть по сторонам.

Чтобы описать охватившее ее, казалось, давно забытое чувство неполноценности, выражения «не в своей тарелке» явно недостаточно – она была «не в своем тазу», «не в своей лодке» и даже «не в своей жизни». Да, именно, «не в своей жизни», так будет уместнее. Все эти всемогущие снобы с их расфуфыренными надменными женами не принимали ее всерьез, они

смотрели на нее сверху вниз, как на диковинного зверька, выставленного на обозрение для развлечения почтенной публики.

Проницательный Свешников заметил нервозность новой пассии и усердно подливал ей в бокал шампанское. На исходе получаса голова Сабины медленно поплыла, закружилась, затем внезапно прояснилась, и окружающие ее предметы приобрели предельно четкие очертания, а лица странную яркость и выпуклость. Она опьянела. Затем все закрутилось в какой-то бешеной круговерти, и она уже не пыталась разобраться в словах, людях, знакомствах. Понеслась бесшабашная карусель хмельной вечеринки, гремела музыка, мелькали чьи-то лица, звенели бокалы, иногда всплывало красное обрюзгшее лицо Свешникова. Сабина с кем-то знакомилась, хохотала, танцевала, срывала комплименты. Около половины двенадцатого торчавший у выхода с пуленепробиваемым лицом Димыч подошел сказать, что в ее сумочке надрывается мобильник. Сабина, флиртовавшая с владельцем торгового дома «Шик», не сразу поняла, в чем дело, а сообразив, поспешила к брошенной сумке. Проверила телефон и обнаружила, что ей звонил Павел. Пять раз звонил. Сабина откровенно позлорадствовала: «Что, дружок, спохватился? Поздновато. Вот теперь я вне зоны доступа».

И в ту же секунду мобильник в ее руках запиликал, на дисплее высветилось «Паша». Поколебавшись, Сабина все же решила ответить:

– Что случилось, дорогой? Неужели соскучился? – как можно язвительнее спросила она.

В трубке послышался сиплый, совершенно больной голос Павла:

– Сабина, нужна твоя помощь. Подъезжай к «Джитек». Это срочно! Только не к крыльцу подъезжай, встань с торца.

Сердце девушки екнуло, как бы она ни злилась на Павла, но они люди не чужие. По встревоженному голосу любовника она поняла, что случилось что-то из ряда вон выходящее. Звонить ночью и просить о помощи было не в его правилах. Сабина могла себе такое позволить, он – никогда. Вероятно, произошло что-то очень серьезное, если осторожный Паша, заботливый отец и семьянин, трезвонит за полночь и просит помочь.

– Что случилось? – любопытствовала она.

– По телефону не могу. Приезжай, – отрубил Павел и отключился.

Хмель моментально выветрился. Поразмыслив, Сабина решила, что никуда ехать не стоит. Она изрядно выпила, на улице холодрыга невыносимая, только северного сияния не хватает, да и поздно. Сердечко, однако, ныло, смутное беспокойство мешало забыться и продолжить кураж, а он был в самом разгаре.

В полутемном зале ресторана стоял нестройный гул голосов, слышались пьяные выкрики и хохот. Гости перепились, отбросили условности, многие пили на брудершafft. Член правления крупного московского банка Ефим Каксон настойчиво пытался позвонить кому-то с помощью пульта от телевизора. Коммерческий директор сети АЗС Умаров, интеллигентный с виду человек, заснул в туалете со спущенными штанами. Мертвецки пьяного Свешникова в буквальном смысле вынесли из ресторана и погрузили в машину, как крупногабаритный багаж.

Выпив бокал минералки, Сабина окончательно протрезвела и задумалась. Звонок Павла не шел из головы. «Шампанское здорово пьянит, но и быстро выветривается. В принципе, я в полном порядке. Может, все-таки поехать?» – колебалась она, подливая в бокал «нарзану».

Занятая своими сомнениями, она не заметила, как к столу, слегка покачиваясь, подошла тощая немолодая дама в жемчужно-сером платье со стразами. Платье было дорогое, но из разряда «остатки былой роскоши», лет семь-восемь назад оно, вероятно, смотрелось потрясающе, а сейчас жалко болталось на высохшей от постоянных диет хозяйке, лишь подчеркивая ее возраст и неприличную худобу.

«Кто это на мою голову?» – удивилась Сабина, увидев странную женскую фигуру прямо перед собой.

– Свобб-одно? – спросила женщина, слегка заикаясь, и, не дожидаясь ответа, рухнула на стул.

Возраст непрошеной собеседницы определить было трудно. Лицо ее, утянутое так, что рот разъехался почти до ушей, а глаза превратились в узкие черные прорезы, куда так и подмывало бросить монетку, выглядело неестественно гладким. Дама пребывала в изрядном подпитии, хотя изо всех сил пыталась это скрыть. Эффектно откинувшись на спинку стула, она попыталась грациозным, полным достоинства движением забросить ногу на ногу, но досадно промахнулась и едва не свалилась на пол. С трудом балансируя на узком стуле, она обрела наконец шаткое равновесие и воззрилась на Сабину тяжелым мутным взглядом:

– Ты Сабина?

Подозревая, что от новой знакомой хорошего ждать не приходится, девушка сдержанно кивнула.

– Лидия – первая жена главного клоуна, – представилась мумия.

– Очень приятно, – тихо сказала Сабина и опустила глаза. Разговаривать с экс-женами всегда непросто.

– А мне нне оч-ч-чень, – заплетающимся языком заявила Лидия и смерила Сабину недобрым взглядом, черные щели ее глаз сузились до минимума. – Похоже, Мишка решил приблизить тебя к трону?

Вопрос был риторическим, и Сабина смолчала.

– Он, конечно, рубаха-парень, но до поры до времени. В конце концов ты останешься с вывернутой наизнанку душой и парочкой глупых мопсов. Как я, – дама горько усмехнулась. – Мишка – проходимец, причем с большой буквы. Запомни это, дурочка.

Сабина хотела возразить, сказать, что устланная деньгами постель Свешникова ее абсолютно не интересует. Но Лидия, хоть и во хмелю, отметила, как беспокойно забегали глаза рыжеволосой соперницы, и предвосхитила готовую сорваться с ее губ ложь:

– Н-не ври. У него уйма денег и возможностей. Ты ж за этим и приперлась. Но не ты п-п-первая, не ты...

Не окончив фразы, она неловко поднялась и, пошатываясь, устремила к выходу.

Настроение испортилось окончательно, и Сабина решила уехать. Вышла в полутемный вестибюль, поправила у зеркала челку, подкрасила губы и, немного покопавшись в сумке, вытащила номерок. Пожилой гардеробщик, привычный к тому, что из зала регулярно выносят бесчувственные тела, воззрился на трезвую Сабину, как на НЛО. Она понимающе подмигнула старику, лукаво улыбнулась, надела шубу и вышла на воздух.

Мороз немного ослаб, зато подул пронизывающий ветер, от которого сразу заслезилась глаза и онемели щеки. Мысль о звонке Павла не давала девушке покоя. «Что же там произошло?» – ее разбирало любопытство. И чем дальше, тем больше. Будучи женщиной и к тому же журналисткой, Сабина обладала острым умом, чересчур пылким воображением и беспокойным характером.

«Смотаюсь на полчаса. Выясню, – решила она наконец. – От меня не убудет».

На парковке никого не было, девушка вприпрыжку добежала до промерзшей «восьмерки», прогрела остывший двигатель, взглянула на часы, они показывали ровно полночь, и тронулась с места. В ту же минуту из ресторана выскочил Димыч, прыгнул в джип и помчался следом.

Глава третья

Утихомирить горько рыдавшую Елизавету стоило Павлу немалых усилий. После нескольких бесплодных попыток он додумался умыть ревущую дочь минералкой, случайно оказавшейся в том же шкафу, где хранилась дежурная бутылка коньяка. Прохладная вода сделала свое дело, Лиза прекратила плакать, выхватила бутылку из рук отца и жадно припала к горлышку. Сделав несколько больших глотков, она судорожно вздохнула и утерла глаза. Павел осторожно усадил дочь в кресло и, ласково поглаживая по голове, принялся выпытывать, что произошло. Прерывисто вздыхая, как это делают наплакавшиеся дети, поминутно заикаясь и останавливаясь, Лиза рассказала ему следующее.

Каспаров, бывший компаньон Павла, ныне владелец крупной фармацевтической компании «Джитек», занимался оптовой торговлей медикаментами. Три года назад он пошел на серьезный финансовый риск и, помимо основного бизнеса, открыл в Москве и Подмосковье розничную сеть аптек. Риск оправдался, сеть быстро разрасталась, деньги потекли рекой. Южное происхождение Каспарова, а по отцовской линии он был армянин, немало поспособствовало его значительному коммерческому успеху. Армянская диаспора в Москве соплеменников на произвол судьбы не бросала, обеспечивая им всестороннюю поддержку, а в случае необходимости и серьезные финансовые вливания.

Мать Андрона – балтийская немка – родилась и выросла в Лиепаве.

В стабильные семидесятые прошлого века треть молодых людей, включая молодежь из братских республик, обучалась в столичных вузах. Межэтнические браки в то время были делом весьма распространенным. Потому, когда будущие родители Андрона повстречались на лечебном факультете Сеченовки и решили пожениться, никто им не препятствовал.

Абсолютно разные: белокурая бесстрастная немка с молочно-белой кожей и смуглый эмоциональный армянин с черными как смоль волосами – они были антиподами, как день и ночь, как север и юг. В результате смелого генетического эксперимента на свет появился потрясающе красивый светловолосый мальчик с медовым оттенком кожи, точеным профилем и неистовым темпераментом. Выбирая для сына имя, родители проявили мудрость и остановились хоть и на армянском, но схожем по звучанию с русским Андреем и немецким Андреасом варианте – Андраник. Друзья-приятели, ребята по большей части русские, быстро переименовали экзотическое Андраник на свой лад – Андрон. Так и закрепилось – Андрон Каспаров. Андраником Каспарова звали только близкие родственники. Оттененные черными ресницами глаза Андрона – удивительные, темно-синие, того неповторимого кобальтового оттенка, что присущ, разве что, знаменитому гжельскому узору, – таили неведомую силу, они неудержимо влекли и поработали.

Волевой, решительный, уверенный – он был неотразим. Подсознательно, на уровне какого-то животного инстинкта, женщины угадывали в нем эту редкую для современного мужчины первобытную силу – мощь вожака и охотно сдавались на милость победителя. О его любовных похождениях ходили легенды. Поговаривали, что помимо официальной семьи он имел в Москве еще две неофициальные, со всеми поддерживал замечательные отношения, заботился и обеспечивал. И что удивительно: как законная жена, так и обе гражданские, и даже их дети были прекрасно осведомлены о существовании друг друга, мало того – они дружили! В свои пятьдесят три Каспаров тщательно следил за здоровьем и внешностью: бассейн и горные лыжи, костюмы от Zegna и Brioni, туфли Prada, портфели Davidoff и головокружительный аромат Clive Christian No. 1. О, этот мужчина знал толк в хороших вещах, сохранил вкус к жизни и великолепную физическую форму.

С того самого момента, как Лиза, яркая и независимая, появилась в компании, Каспаров взял ее под личную опеку, всячески подчеркивая особое к дочери Градова отношение. Брю-

нетка, с нежной, покрытой бархатистым пушком, алебастровой кожей и крупным чувственным ртом, она была божественно сложена. Ее маслично-черные с легкой поволокой глаза мягко манили, суля избраннику небывалое блаженство. Совершенно не похожая на своих светловолосых и сероглазых родителей, она напоминала итальянку. Марина утверждала, что эту экзотическую внешность дочь унаследовала от прабабки-цыганки. Павел не упускал случая поддеть жену и со словами «Ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца» ласково обнимал девочку, откровенно гордясь ее удивительной редкой красотой.

Природная выразительность позволяла Лизе обходиться без косметики. В ее сумочке обыкновенно лежали лишь прозрачная пудра и блеск для губ нюдового оттенка. Миниатюрная, легкая, как газель, она не была истощенным заморышем, какими выглядит большинство современных изможденных диетами и вечно голодных девиц. Тонкая кость и изящество форм достались ей от рождения. Высокая, чуть полнее среднего грудь, осиная талия, соблазнительные бедра и хоть и не длинные, но безукоризненные ноги.

По утрам сотрудники компании шеи сворачивали, следя за несущей себя по коридору Лизой. В шелковой блузе цвета перванш, строгой юбке-карандаш, на высоких шпильках, эта манкая девушка вызывала в мужчинах весьма противоречивые эмоции: хотелось либо пасть перед ней на колени и благоговейно молиться, либо броситься очертя голову и в порыве первобытной страсти заключить ее в объятия.

По офису ползли разнообразные слухи, сотрудники в курилке заключали пари, называя сроки неотвратимо надвигавшегося романа.

– Два таких экземпляра на одной территории! – ехидничала главная сплетница «Джитек» продажница Машка Быкова, прикуривая вторую сигарету подряд. – Наш кобель ее не пропустит.

– Ага, электрические разряды так между ними и проскакивают, – подтвердила толстая невзрачная Люда из бухгалтерии.

– А может, они уже того? Кто знает? – неожиданно встрял обыкновенно отрешенный от всего мирского лохматый Игорек. Будучи системным администратором, Чукин презирал хаос реальности, предпочитая иметь дело с несокрушимой логикой программного кода, но сногшибательная Лиза волновала даже его.

– Не-е-е, – потрясла пружинками русых завитков Маша, – шеф бы тогда светился, как прожектор. А он злющий ходит, вредный. Не сдастся, видать, Лизавета. Цену себе набивает. Хотя про нее в городе такое говорят, шо мама не горюй, – цинично добавила она и с тоской поглядела на догорающий бычок. – Ша, перекур окончен. За работу, негры, солнце еще высоко!

Избалованная мужским вниманием и выработавшая стойкий иммунитет к женской зависти, Лиза на «мышиную возню» коллег внимания не обращала. Корпела над документами, печатала справки, составляла отчеты, готовила кофе для босса и ничего особенного не замечала.

Нет, замечала. Замечала, что Каспаров с ней по-отечески ласков, предупредителен, заботлив. Работой не перегружает, домой отпускает пораньше, иногда пьет с ней кофе, шутит, рассказывает интересно. Поначалу Лиза воспринимала его поведение как подспудное чувство вины перед отцом и своим бывшим другом, которого он так бессовестно обобрал. Но вскоре на ее рабочем столе стали появляться дорогие букеты. Подозрение пало на главного менеджера компании – обаятельного еврея с копной темных курчавых волос, Сашу Шихмана. Остроумный, хорошо воспитанный, Лиза выделяла его среди других сотрудников, и мысль о том, что утренние орхидеи – его рук дело, была ей даже приятна. Однажды утром, обнаружив на своем столе очередной благоухающий знак внимания, она решила спросить Шихмана напрямик, но Александр отрицательно покачал кудрявой головой и ответил в истинно еврейском духе:

– Шо ты, Лизочка! Во-первых, конкурировать с твоим поклонником было бы глупо и даже опасно. Во-вторых, если бы я позволял себе осыпать пассию букетами стоимостью в сотню баксов, то давно жил бы на вокзале.

– Тогда кто же? – вспыхнула Лиза. Ей сделалось неловко, теперь Шихман догадается, что она к нему равнодушна.

«Подумает, что на шею вешаюсь», – внезапно разозлилась она.

– А ты приглядиись внимательнее – и все узнаешь. Во всяком случае, все наши уже в курсе, – Шихман хитро подмигнул и вышел, оставив раздосадованную Лизу наедине с сомнениями.

Она последовала его совету и заметила, что цветы на столе появлялись только в дни, когда Каспаров являлся в офис раньше нее. Еще через пару недель Андрон пригласил ее в ресторан пообедать и будничным тоном, точно речь шла о покупке нового дивана, объяснился. Застигнутая врасплох, Лиза опешила, потом взбесилась и наотрез отказалась. Уверенная, что теперь ее непременно уволят, она вернулась на работу и принялась собирать вещи. Через полчаса появился слегка рассеянный Андрон и, будто не замечая «чемоданного» настроения секретарши, надавал ей кучу работы, удачно пошутил по поводу «хлебобулочного изделия» на голове главбуха, словом, повел себя так, будто сцена в ресторане ей приснилась. Озадаченная Лиза поостыла, подумала и решила вести себя как прежде – ровно и независимо. В конце концов работа ей нравилась, зарплата тоже, да и торопиться, по мудрому совету Остапа Бендера, следовало только «при ловле блох». Лиза осталась. Шеф, казалось, о провальной попытке ухаживания забыл и с головой погрузился в работу. Лизе тоже доставалось, босс с каждым днем поручал ей все больше и больше. Однажды вечером, прощаясь, он обронил:

– Умная ты девушка, Елизавета. Справляешься. Глядишь, и компаньонкой тебя сделаю. У отца не заладилось, а у тебя, похоже, получится.

Каспаров вышел, а Лиза никак не могла заставить себя сосредоточиться на отчете, слова патрона не шли из головы, она отложила бумаги и подошла к окну. На улице валил сильный снег, машины на парковке замело, а он все падал и падал, мягко и неслышно накрывая деревья, дома, улицы и переулки бескрайним белым покрывалом.

«Будто саваном», – промелькнуло в голове. Провинцию Лиза терпеть не могла, задыхалась здесь, как в болоте. После пяти лет бесшабашного студенчества и пестрой столичной жизни Рузавин с его покосившимися домишками, серыми хрущевками, узкими улочками и водяными колонками, до сих пор торчавшими в центре города, представлялся ей могильником. «И почему Каспаров до сих пор не в Москве? – недоумевала она. – Хотя богатые сейчас предпочитают жить на лоне природы. Вон он какой дворец в “Красном Поле” себе отгрохал!» От нелюбви к родному городу мысли вновь вернулись к боссу.

Лиза колебалась. Она не знала, радоваться ли ей тому, что сказал Андрон, или тревожиться? Его неожиданная похвала смутила ее и раздосадовала. В конце концов она пришла к выводу, что следует отпустить ситуацию, но на всякий случай быть начеку. Милость сильных мира сего в любой момент может обратиться в ненависть. Надежнее иметь ровные деловые отношения. Да вот только не складывались у нее с Каспаровым ровные и деловые.

Он был умен, красив, обаятелен, элегантен, этот Каспаров. Лиза невольно сравнивала его с отцом, ведь они ровесники. Но отец в свои пятьдесят три выглядел на все шестьдесят, часто жаловался на здоровье, выглядел бесконечно уставшим и несчастным. По сравнению с выхоленным шефом – просто развалина. Она всегда чувствовала обиду за него и неприязнь к этому ухоженному, наглому, успешному самцу, бравшему от жизни все или почти все. Но вот незадача! После сегодняшнего разговора эта обида как-то потускнела. В голове зароились предательские мысли: «А, может, отец в своих проблемах сам и виноват?»

С детства она часто помнила его пьяным, он не был буйным, никого не обижал, просто каждый вечер возвращался домой «чуть тепленьким», как выражалась мама, и падал спать.

Лиза, можно сказать, познакомилась с собственным отцом лишь шесть лет назад, когда после разрыва с Каспаровым и годичного финального запоя он бросил наконец пить – и обнаружил, что у него есть жена и дочери. Печально. Может, не такой уж он и мерзавец, этот Каспаров? Ошутив резкую перемену в отношении к патрону, Лиза растерялась. Она так привыкла ненавидеть и винить его во всех бедах, и вдруг...

«Нет! Это он довел отца до беспробудного пьянства. Предал, обокрал, практически уничтожил. Ненавижу!» – искусственно распаляла она себя, наблюдая за садящимся в блестящий новенький «порше» Каспаровым. Но мысли, прежде приводившие ее в ярость, теперь казались пафосными и неубедительными. Андрон, будто почувствовав ее взгляд, взглянул наверх, заметил стоявшую у окна Лизу, тепло улыбнулся и приветственно махнул рукой. Девушка смутилась и резко отпрянула, торопливо закрыла жалюзи и с отчаянно бьющимся сердцем вернулась к компьютеру.

«Довериться бывшему врагу? Вот так сразу? – Лиза и не заметила, что мысленно назвала Андрона “бывшим врагом”, то есть с той самой минуты он перестал быть Волан-де-Мортом и превратился в обычного человека. – Нет, торопиться не стоит. Надо спокойно все взвесить», – заключила она и принялась печатать приказ об увольнении начальника рекламного отдела Лисовской. Каспаров с бездельниками не церемонился.

И все же поведение Андрона не могло не тронуть девичье сердце, Лиза оттаяла, потеплела.

– А сегодня, – дрожащим голосом рассказывала она отцу. – Сегодня он с самого утра был на взводе. В шесть часов сказал, что уезжает домой, а завтра едет в Москву заключать контракт с японской Takeda. Сказал, что в перспективе мы станем их официальными дилерами, выйдем на международный рынок. И приказал срочно подготовить финансовую отчетность. К утру я должна была ее предоставить. Посадил меня в свой кабинет, разрешил пользоваться компьютером, потому что база данных компании хранится под секретным паролем только у него, и уехал...

Лиза примолкла, неподвижно уставившись в темноту, Павел осторожно погладил руку дочери и попросил:

– Ну, что же дальше, деточка? Рассказывай.

– Дальше страшно, – Лиза резко подняла голову, глаза ее лихорадочно блестели, она больше не плакала. – В половине одиннадцатого Каспаров неожиданно вернулся, вошел в кабинет и запер дверь на ключ. Глаза дикие, странный, дерганый. Может, выпил. Подошел ко мне, начал приставать с поцелуями. Я оттолкнула его, он схватил за плечи и повалил на пол, рычал, как зверь, матерился, потом стал сдирать с меня одежду, платье разодрал... – Лиза поежилась и показала шею. Ворот платья был оторван и болтался на чудом уцелевшей пуговице.

– Он силой меня хотел, папа... Я плакала, кричала, сопротивлялась, все бесполезно. Тогда не знаю как, но я... я дотянулась до пепельницы, она на пол упала, когда мы боролись. Дотянулась, а она тяжеленная, из какого-то камня. Ухватила ее и что было сил ударила по голове, попала в висок. Потом еще раз ударила и еще. Колотила, как безумная. Остановиться не могла. Била, била... Пока он не захрипел. Теперь он там. На полу. Мертвый, – Лиза замолчала.

– Зачем ты устроил меня туда, папа? – с неожиданной яростью выкрикнула она. – Зачем? Все наши беды от него, – она обхватила руками голову и снова заплакала, тихо, горестно, тоненько поскуливая, размазывая слезы по щекам.

Павел окаменел, когда Лиза ворвалась в кабинет, ему показалось, что она пьяна, дочь странно двигалась, шаталась, натыкалась на мебель, стены, бормотала несуразное. Теперь, когда она рассказала ему все, он обомлел, странная слабость разлилась по всему телу, и, что отвратительно, он испытывал подлую радость при мысли, что Андрона больше нет. Дочь, плоть от плоти его, расквиталась с обокравшим их подонком! И что теперь такое господин Андраник Левонович Каспаров? Окровавленный мешок костей и дерьма, валяющийся на полу соб-

ственного офиса. Все семь лет, которые Павел провел в борьбе за выживание, он вынашивал планы мести. Человек трудившийся, рисковавший – а в начале девяностых любой бизнес был сопряжен с громадной опасностью, – лелеявший амбиции и успевший вкусить плод от их реализации, так вот, этот самый человек оказывается преданным, ограбленным и выброшенным на помойку, как клочок использованной туалетной бумаги. И кем? Лучшим другом! Подло. Мерзко. О, как черно и страшно в душе отверженного! Павел строил планы мести, один фантастичнее другого: то он переезжал Каспарова автомобилем и победно оглядывался на распластанное на дороге, окровавленное тело врага; то яростно душил негодяя, наслаждаясь хрустом ломающегося основания черепа; то разряжал в предателя пистолет, когда ничего не подозревавший Андрон выходил из дверей собственного особняка, и Павел жадно смотрел на искаженное мукой, смертельно бледное лицо и содрогающееся в предсмертных конвульсиях тело гада; то... Так можно продолжать до бесконечности. Чего только не передумал Павел за семь лет! Но дальше жестоких игр воспаленного воображения дело не заходило. Потому что Павел – слабак и трус! Ссыкло. Но правосудие свершилось! Возмездие настигло предателя! Андрона нет, он заплатил за все. Господь услышал его, Павла, мысли! И поквитался с подонком. Но как страшно... ведь это сделала его, Павла, дочь.

«Это я во всем виноват! Мечтал о мести, а решиться не мог. Вот высшие силы и решили за меня. Выполнили заказ. Руками Лизочки выполнили. Значит, это я, сам того не желая, Лизу подставил. Дурак! Дерьмо!» – внезапно осенившая догадка обдала его могильным холодом, волосы на голове зашевелились. До сего момента Павел был убежденным атеистом, воспитанным на коммунистических идеалах, он не верил ни в Бога, ни в черта. Это Маринка с наступлением перестройки побежала в церковь и с тех пор оттуда не вылезала: говела, причащалась, исповедовалась, он же только посмеивался над внезапно напавшей на нее набожностью. Теперь Павел, потрясенный неожиданной догадкой, испугался.

– Господи, – потерянно произнес он вслух. – Господи, что же теперь делать?

– Не знаю, – вяло откликнулась Лиза и снова всхлипнула.

Мозг Павла заработал в аварийном режиме, ему казалось, что он слышит сухое потрескивание возбужденных нейронов под черепной коробкой, давление подскочило, тяжелый мутный туман в голове мешал соображать, невыносимо ломило затылок. Павел встал, налил два бокала коньяку – себе и дочери. Разом опрокинул свой, другой протянул Лизе, она послушно выпила, резко закашлялась, и ее бурно вырвало. Павел шепотом отругал себя за глупость, взял дочь на руки, бережно перенес на диван, накрыл пледом и аккуратно вытер пол старой рубашкой. Лиза лежала недвижно, молча вглядываясь в окружающий мрак.

«Он, Павел, должен вытащить дочь из этого кошмара. Нужно защитить семью», – мысли скакали, путались, обрывались. Выход не находился. А он должен, обязан его найти. Ради дочерей – Лизы, Варюшки. При мысли о Варюшке его прошиб холодный пот. Сестра в тюрьме! Нет, ребенок должен расти счастливо и спокойно. Он за свою младшую жизнь отдаст, не задумываясь. И тут он вспомнил о Сабине! Вот кто ему поможет.

«Так, что следует предпринять? Первое – уничтожить улики на месте преступления, потом – вывезти труп и спрятать. Тогда Лиза будет в безопасности», – нащупав выход, он немного успокоился, подошел к дочери и осторожно тронул за плечо:

– Лизок, солнышко, а охранник тебя видел?

– Да. Когда уходила, сказала ему, что шеф остался поработать.

– Черт! Значит, еще и охранник, – выругался Павел.

Действовать нужно быстро, если охранника обеспокоит длительное отсутствие босса и он пойдет проверять кабинет Андрона, то все откроется. Вызовет милицию и пойдет-поедет. Павел отыскал на столе мобильный, быстро набрал номер Сабины, с трудом дозвонился и попросил ее подъехать к зданию «Джитек», затем сунул телефон Лизе и заставил ее позвонить на проходную компании. Необходимо разыграть спектакль со срочным вызовом Лизы в

контору. Предупредить охранника, что Каспаров срочно затребовал документы, которые секретарша забрала домой, и что через полчаса она их привезет, поэтому просит обеспечить ей беспрепятственный доступ в здание. Лиза, полумертвая от усталости, послушно выполнила просьбу и без сил упала на диванные подушки.

– Я съезжу. По делам, – отрывисто говорил Павел, натягивая брюки, – только матери ничего говорить не смей. Сцепи зубы и держись. Все будет хорошо. Я все улажу, слышишь? – Павел подошел к дочери. – Никому, Лизавета, поняла? – дочь не шелохнулась, только опустила веки в знак согласия.

«Похоже на шок, – подумал Павел. – Ступор. Что ж, все лучше, чем истерика».

Он осторожно прикрыл дверь и прокрался по темному коридору, по пути заглянул в спальню – Марина и Варюшка спали, младшая разметалась на постели, забросив правую ножку на едва слышно похрапывающую Марину. Все тихо, спокойно.

– Ну, с Богом, – подбодрил себя Павел, запахнул дубленку и вышел в ночь.

Он припарковался позади офисного здания, внимательно огляделся, потом выбрался из машины и неспешно обошел «Джитек». Вокруг не было ни души, погруженное во мрак большое четырехэтажное здание выглядело зловеще. На втором этаже в кабинете Каспарова горела настольная лампа, холл первого этажа был полутемным. Очевидно, охранник все еще дожидался директора. Павел посмотрел на часы – половина первого, Сабины не было.

– Черт подери, где ж ее носит? – проворчал он и почувствовал, что его охватывает нервная дрожь. В сложившейся ситуации необходимо действовать, а он теряет время. Павел злобно выругался и вернулся в машину.

В зеркале заднего вида отразилось серое лицо с набрякшими веками и мешками под глазами, а ведь в молодости он был ого-го-го!

«Они с Андроном... Хотя первую скрипку всегда играл Андрон, Павел состоял при нем, как трусоватый Санчо Панса при отважном Дон Кихоте. И идея с фармацевтическим бизнесом принадлежала Андрону, он в медицину по стопам родителей-врачей пошел. Павел институт связи закончил и то с грехом пополам, – при этой мысли его перекосило. – Чертов Казанова! Ни одной мало-мальски симпатичной юбки мимо не пропускал. Пользуясь его, Павла, мягкотелостью, он и Марину по молодости пытался обхаживать, козел, но она ему быстро от ворот поворот дала, – мысли Павла скакали, словно мячики для пинг-понга. – Вот идиот! – спохватился он. – Не об Андроне сейчас нужно думать. О деле думай! О деле! Может быть, попытаться убрать охранника? – лихорадочно соображал он. – Нет, тот откроет дверь только Лизавете. А ее роль должна сыграть Сабина».

Павел нащупал в кармане прохладную рукоять пистолета Макарова, приобретенного еще на заре их с Андроном предпринимательства у какого-то уголовника на Тишинке.

– Вот ты и пригодился, друг, – пробормотал он и осторожно погладил шероховатую поверхность, точно привыкая к напарнику. Стрелять он умел. И неплохо. Только давно это было, еще в армии. Сколько ж лет прошло? Тридцать? Нет, тридцать три. Получится ли? Он нервничал, сомневался. Однако мысль о том, что за ним семья – его ненаглядные и ни в чем не повинные девчонки – придавала мужества. Он сам себе удивлялся: откуда такая отчаянная решимость? Ни храбростью, ни напором он никогда не отличался. Отвага и решительность всегда были прерогативой Андрона, Павел же – спокойный, вдумчивый, рассудительный – уравнивал бешеный темперамент друга, частенько удерживая вспылчивого Андрона от импульсивных решений и поступков. И вот – на тебе! На такое решился. Отважный, не отважный – выбора у него теперь не было.

О судьбе Сабины Павел не задумывался. Ему было плевать на нее, их отношения давно зашли в тупик. Хотя, говоря откровенно, он жив только благодаря Сабине. Именно она вытащила его после разрыва с Андроном из глухой пьяной депрессии. Жизнь Павла тогда будто обесцветилась, потеряла краски и смысл, из запоев он не вылезал, пока не появилась Сабина.

Свежая, полная жизни, смешливая, хорошенькая. Года два он с ума по ней сходил, проходу не давал, машину купил, подарками заваливал, на телевидение пристроил через Олежку Панкратова, одноклассника. Разглядев в любовнице меркантильную стерву, поостыл и держал в качестве «запасного аэродрома»: по субботам в бане с ней расслаблялся, летом на рыбалку брал. Но за прошлые заслуги давно с ней расплатился, столько денег угрохал, страшно вспомнить. Год назад их вялотекущие отношения стали его тяготить, Сабина становилась все капризнее, требовательнее – обнаглела потихоньку баба, забыла, кто ее в люди вывел, и Павел решил порвать. Будучи человеком неконфликтным, бурных сцен решил не устраивать, просто постепенно свести отношения на нет. Так что задумываться о судьбе бывшей любовницы смысла не имело, главное сейчас – спасти Лизу. Он все сделает сам, Сабина только поможет проникнуть ему в офис и перетащить тело Андрона в машину. В конце концов, если любовница попытается противиться или шантажировать, попроситься с ней можно и по-другому. Ему терять нечего.

В конце улицы показалась машина, Павел напряг зрение. В бледном свете фонарей, освещавших офисную парковку, он разглядел зеленую «восьмерку» Сабины, она предусмотрительно проехала мимо крыльца и остановилась у служебного входа, как Павел и просил. Из машины вышла Сабина, Павел узнал ее по лисьей шубе – тоже, кстати, его подарок.

«Умница, встала в сторонке, как я и говорил», – удовлетворенно подумал он. Кряхтя, вылез из машины и пошел навстречу. Павел решил пока не посвящать ее в детали своего плана, все прояснится по ходу.

– Привет, милая, – клюнул он ее в холодную щеку, – вырвался из дому под предлогом, что нужно Каспарову срочные документы передать. Он тут в полночь Лизавету в офис вызвать хотел. А я соскучился до дрожи. И воспользовался моментом. Сейчас отдам, а ты меня в холле подожди. Я быстро.

Сабина молчала, недоверчиво глядя на возбужденного Павла.

– Ты вызвал меня сюда только для того, чтобы поцеловать? Ой, темнишь чего-то, Градов, – насмешливо протянула она, кутаясь в шубу.

– Почему только поцеловать? Потом до утра к тебе, – продолжал врать Павел. Чувствовал, что врет убедительно, взмок и пошел красными пятнами.

– Говори, зачем вызвал, идиот! – вскипела Сабина.

– Я Андрона пришил, – неожиданно для самого себя выпалил Павел и осекся.

– Что-о-о? – Сабина покачнулась и обессиленно прислонилась к машине. – Ты... ты соображаешь, – начала было она, но Павел ее перебил.

– Соображаю. Ты должна мне помочь. Больше никому. Никто пока ничего не знает. Нужно спрятать труп и уничтожить следы. Сейчас ты подойдешь, позвонишь в дверь и скажешь охраннику, что ты – Лиза. Он откроет...

Павел немного помедлил и продолжил:

– Я м-м-м... разберусь с ним, потом на второй этаж. Ты поможешь мне перетащить тело в машину и спрятать. Поняла? – повысил он голос почти до крика.

– Нет, – твердо сказала Сабина. – И понимать не хочу. Я не дура. И не смей впутывать меня в свои грязные игры. Я давно хотела сказать тебе, что больше не хочу иметь с тобой никаких отношений. Сейчас как раз подходящий момент. С этой минуты мы с тобой в разных измерениях. Прощай, дорогой. Спасибо за доверие. В память о нашем прошлом эти ночные откровения останутся между нами. Все. Точка, – девушка решительно повернулась и зашагала в сторону «восьмерки».

Снег истошно завизжал под ее красными сапогами, Павел опомнился:

– Стой! – негромко сказал он. Сабина даже не оглянулась.

– Стой, дура, – повторил он громче. – Если не вернешься, я пристрелю тебя на месте, мне терять нечего. Ну? – он в самом деле вытащил пистолет и угрожающе щелкнул предохранителем.

Сабина вздрогнула и остановилась, медленно повернулась к Павлу и застыла, не мигая, глядя на черный зрачок пистолета.

– Повторяю. Я убью и тебя, Сабина. Ты не оставляешь мне выбора. Теперь ты свидетель, – голос Павла звучал жестко, без эмоций, а потому убедительно.

Похоже, Сабина поверила, она помолчала, с трудом сглотнула слюну и свистящим шепотом сказала:

– Но ты можешь убить меня и после того, как я тебе помогу.

– Зачем? – устало ответил Павел, опуская пистолет. – После того как ты мне поможешь, ты станешь соучастницей, детка. Мы будем в одной упряжке. Пошли. У нас мало времени, – скомандовал он.

Они двинулись в сторону «Джитек», Сабина с несчастным видом тащилась впереди, плечи опущены, под каблуками ее красных сапог жалобно пищал мерзлый снег, Павел спокойно шел следом. Оба молчали, только поднимаясь по ступеням крыльца, Градов вполголоса напомнил:

– Ты – Лиза Градова, привезла документы для Андраника Левоновича. И веселей, малышка. Времени у нас в обрез, час ночи.

Ночная тьма, по мнению Павла, была надежной наперсницей его мрачной тайны, в темноте охранник не мог разглядеть приехавшую девушку, а это было как раз то, что нужно. Напряженно вглядываясь в стеклянные двери, они подошли к входу, Павел нажал кнопку вызова. Из переговорного устройства донесся сонный голос охранника:

– Елизавета Пална, вы?

– Я, я, – торопливо забормотала Сабина, гневно оглядываясь на Павла. – Я даже не знаю, как его зовут, – пояснила она шепотом.

Послышался громкий скрежет открывающегося замка, звук упавших на пол ключей, негромкая брань охранника, и дверь наконец распахнулась.

– Долго вы доби... – начал было мужчина и вдруг рассмотрел стоявшую перед ним девушку. – А вы кто? – удивленно прогудел он, заметив позади Сабины темную фигуру Павла.

– Дед Пихто, – скороговоркой ответил Павел, вскинул пистолет и выстрелил в недоуменное лицо секьюрити.

Мужчина коротко охнул, с размаху упал на скользкое мраморное крыльцо, несколько раз дернулся и затих. Сабина вскрикнула и зажала рот руками, Павел подтолкнул ее к входу, ухватил труп охранника под мышки и, пыхтя, затащил внутрь. Чем позже обнаружат тело, тем лучше. Стараясь не глядеть на развороченную рану, перевернул на спину, чтобы убедиться, что мужчина мертв. Охранник не дышал.

Подталкивая идущую впереди перепуганную Сабину, Павел поднялся по широкой каменной лестнице, ведущей на второй этаж.

– Ничего не трогай, – прикрикнул он на девушку, заметив, что она держится за стальные перила. – Или вот что, лучше перчатки надень!

Сабина коротко мотнула головой и закусил губу. Они неслышно вошли в отделанную светлым орехом просторную приемную. Дверь в кабинет, откуда струился приглушенный зеленоватый свет, была приоткрыта. Павел осторожно заглянул внутрь, в кабинете царил хаос: перевернутые стулья, валяющийся на полу монитор компьютера, клавиатура, бумаги, разбитая рамка с семейной фотографией Каспаровых, из-за громоздкого дубового стола торчали мужские ноги в безукоризненно начищенных черных ботинках. Павел осторожно двинулся к неподвижному, лежавшему ничком телу, под ногами противно хрустели осколки разбитого стекла, подойдя, постоял, как бы собираясь с духом, и рывком перевернул труп. Глаза Андрана, яркие, пронзительно-синие, были открыты, и на долю секунды Павлу показалось, что его враг жив, но лишь на долю секунды. Левая сторона головы была раздроблена, из залитой черной подсыхшей

кровью раны торчали мелкие обломки костей, застывшая на лице страдальческая гримаса и мертвенно-белый цвет кожи – все это не оставляло сомнений в том, что Каспаров мертв.

– Ну здравствуй... труп, – с кривой усмешкой проговорил Павел и повернулся к Сабине.

Полумертвая девушка едва дышала, не в силах отвести округлившихся от ужаса глаз от мертвеца.

– Помоги мне. Ну, живо! – приказал Павел, стараясь затащить мертвое тело на ворсистую поверхность лежавшего посреди кабинета красного ковра.

Сабина неловко ухватила за рукав пиджака покойного и сильно потянула, тело приподнялось, голова трупа резко мотнулась в сторону, Сабина громко взвизгнула и отскочила.

– Дура! – шепотом ругнулся Павел. – За ноги бери, поняла?

Наконец им удалось переместить тело на ковер, окровавленную пепельницу Павел положил рядом. Потом аккуратно, со знанием дела (будто всю жизнь только этим и занимался) закатал мертвеца в ковровое полотно, вытащил из кармана скотч, с треском оторвал длинную клейкую полосу, потом еще одну и тщательно замотал ковер с обеих сторон.

– Готово. Бери за ноги! Потасили, – деловито скомандовал он трясущейся от страха Сабине.

– Не могу, – пролепетала она, – ноги не держат.

– Пристрелю, как собаку! – взревел Павел и выхватил пистолет.

Сабина вздрогнула и покорно взялась за свой конец свертка. И тут на столе Каспарова зазвонил телефон, от неожиданности они выпустили тело из рук, и труп тяжело плюхнулся на пол. Телефон непрерывно звонил, а Павел с Сабиной застыли, не в силах двинуться с места, парализованные страхом, они не могли оторвать глаз от беспокойно верещавшего аппарата. Павел чувствовал, как дрожат колени, и холодная липкая испарина покрывает лицо и трясущиеся руки. «Кто это? Вдруг Лиза?» – мелькнуло в его голове.

Сабина сделала инстинктивное движение по направлению к двери, и тут Павел опомнился:

– Куда? – злобно прорычал он и быстро нагнулся к гигантскому свертку. – Чего встала? Хватай и неси.

Сабина послушно ухватила за тяжелый ковер. Ей казалось, что все происходящее с ней – дикий сон, она проснется, обязательно проснется и все встанет на свои места. Жизнь пойдет своим чередом, и она вдоволь посмеется над глупым ночным кошмаром. Телефон наконец замолк.

Пыхтя от натуги и переругиваясь, они выволокли ковер на лестницу и спустили его вниз. Бросив его рядом с трупом охранника, Павел выскочил на улицу и побежал к машине, необходимо было подогнать ее к крыльцу. Через две минуты он подъехал и махнул Сабине рукой, девушка кинулась помогать. И только когда они захлопнули дверцу багажника, она сообразила, что труп погрузили в ее «восьмерку».

– Но почему? – возмутилась она.

– Так нужно. Все объясню потом. Прикрой двери и садись в мою машину. Бегом, – Павел недобро ухмыльнулся и сел за руль.

Двигатель натужно загудел, и автомобиль медленно выехал за ворота. Сабина бросилась назад, торопливо прикрыла входные двери и выбежала на улицу. Слава Богу, вокруг не было ни души. Спасительный мороз удерживал дома даже самых ярких приверженцев «ночной жизни».

Недоумевающая Сабина нырнула в «ауди» Павла и завела машину. Он ждал за воротами, увидев, что она выехала, сделал ей знак рукой и тронулся в направлении центра города. Сабина послушно последовала за ним.

Спустя несколько минут из-за угла соседнего дома выехал черный джип и неспешно двинулся за ними.

Глава четвертая

Дорожные пробки – дело для Москвы обычное, толпы водителей, выехавших с утра на работу, смиренно жевали сухие пайки, выданные женами на такой вот неприятный случай. Палева посмотрела по сторонам – справа и слева бесконечные колонны машин, плотно обступившие ее джип, – от души выругалась и еще раз огляделась. Слева – «фольксваген», справа – «десятка». Коротко остриженный молодой человек на «фольксвагене», сидевший в наушниках, бодро кивал в такт музыке; седовласый джентльмен в «десятке» уныло жевал бутерброд с корейкой – Ольгу немедленно затошнило. Ее тошнило уже три месяца. Лидка Миронова многозначительно посмеивалась, утверждая, что в Ольгином положении это абсолютно нормально. Ничего себе нормально! Стоило Ольге взглянуть на жующего – и пиши пропало, через мгновение к горлу подкатывал отвратительный щекочущий горько-сладкий комок. Поначалу Ольга стоически держалась, стараясь сглотнуть мерзкий комочек, гоняла его туда-сюда, глубоко дышала, даже нюхательную соль себе купила по совету старушки-соседки, столь древней, что Ольга бы не удивилась, если бы та оказалась бывшей фрейлиной последней русской императрицы. Но не тут-то было. Приторная горечь заполняла рот, и никакие соли уже не помогали, приходилось сломя голову нестись до ближайшего туалета и спешно избавляться от содержимого желудка. Хуже всего было то, что в последнее время содержимое Ольгиного желудка состояло из одного желудочного сока. Ее мутило от всего, особенно от запахов, а еще ее тошнило от... Олега! Она видеть его не могла, сам факт его существования отравлял ей жизнь. Лидка (мать двух чудных близнецов) говорила, что и это нормально, большинство женщин в первые месяцы беременности мужей не выносят. Не выносят! Если бы! Своего мужа Ольга готова была придушить. Олег переносил ксенофобию стоически, устраивая в ответ ежеутреннюю пытку едой. Едва проснувшись, он бросался на кухню, где вдохновенно готовил для Ольги полезные завтраки, руководствуясь разнообразными рецептами, коих в интернете теперь пруд пруди. Сегодня, к примеру, были яйца по-швейцарски. При мысли о яйцах Ольга почувствовала легкий озноб.

Она быстро сглотнула вязкий комок и открыла окно, жующий сосед справа подумал, должно быть, что она хочет о чем-то спросить, и тоже опустил стекло. Ольга вежливо улыбнулась соседу, и тут джентльмен с корейкой сыто рыгнул. Запах копченого сала ударил в нос – и Ольгу перемкнуло, она немедленно скорчилась в рвотном спазме. Сдержав первый приступ, она стремглав выскочила из машины, протиснулась между плотно стоящими машинами к обочине и... Рвало ее долго, фонтаном.

– Только бы брюки не испачкать, – думала она, содрогаясь от очередного спазма. – Боже, теперь я ни за что в жизни не прикоснусь к копченому салу! И к яйцам по-швейцарски. А жаль...

Она очнулась, когда стоявшая за ее джипом колонна машин дружно загудела, водители яростно колотили по клаксонам и крутили пальцем у виска. Иные делали Ольге нелестные замечания:

– С бодуна дома надо сидеть, дэушка! – кричал потный бизнесмен на последней модели «ниссана».

– Эй, больная, паровоз с дороги убери! – негодуя орал тощий мужичонка на «окушке».

Измученная, вывернутая наизнанку Ольга вернулась в машину и потихоньку тронулась с места. Вытащив из-под сиденья бутылку минеральной воды, она жадно припала к горлышку. Зазвонил мобильник. «Олег», – подумала она, завинчивая крышку бутылки. Олег осведомлялся о состоянии ее здоровья каждый час. Она не ошиблась, заботливый муж поинтересовался ее самочувствием. Ольга подробно отчиталась:

– Привет, дорогой. Я как? Жива. Да, на пять минут из машины вышла. Зачем, зачем? Подышать, – она горько усмехнулась, вспомнив утренний моцион на обочине. – Да, дорогой, сегодня яйца по-швейцарски были особенно вкусны. Спасибо.

Захлопнула крышку мобильного, томно зевнула, глянула на часы и похолодела: «Боже мой, половина десятого». А в десять ее ждет клиентка!

Колонна машин со скоростью похоронной процессии въехала в Лефортовский тоннель. Ольга углядела наконец лазейку между микроавтобусом и «фольксвагеном» меломана, резко надавила на акселератор и пустилась во все тяжкие. Лавировать в полутемном тоннеле было трудно, но через пятнадцать минут поверженные «ниссан», «десятка» с копченой корейкой и антикварная «окушка» остались далеко позади.

– Знай наших, – торжествуя сказала Ольга и, чувствуя себя Шумахером, мужественно преодолела очередной приступ дурноты. – Ребенок у меня будет с характером, – заключила она, выныривая из темного брюха тоннеля.

Москва, тускло освещенная оранжевым зимним солнцем, постепенно просыпалась: тротуары заполнялись бурлящими толпами; шоссе – бесконечными потоками стремившихся, будто кровь по сосудам, автомобилей; входы в метро, словно врата преисподней, непрерывно поглощали огромные порции человеческой плоти. Привычное рабочее утро громадного мегаполиса. Несмотря на отвратительную экологию, перенаселенность и невероятные расстояния, Москву Ольга любила. Здесь родилась, выросла и знала ее как свои пять пальцев. Обожала таинственную ауру увековеченных Булгаковым Патриарших, с их тихими живописными водоемами и уютными скамейками под сенью старых лип; крохотную часовню Александра Невского в Екатерининском парке; архаичную Пречистенку с ее удивительными особнячками, дышащими русской историей.

Несмотря на спешку, она опоздала. Офис ее частного агентства находился в Сокольниках, в девятиэтажке сталинской постройки на улице Гастелло. Над входом сияла новенькая золотая табличка «Частное детективное агентство Нуаро». Ольга голову сломала, придумывая название, помог Олежка. Уж в чем в чем, а в креативности ему не отказать. Нуар – это разновидность криминального романа с напряженным сюжетом, а фамилия Пуаро известна любому школьнику. Нуар плюс Пуаро получилось «Нуаро». Остроумно и элегантно, словом, Ольге понравилось. Аренда, ремонт и оборудование двух небольших помещений влетели в копеечку, но за два месяца работы Ольга окупил накладные расходы и вышла в плюс. Припарковавшись на обычном месте возле гастронома, она перебежала через дорогу, взлетела на крыльцо, ворвалась в уютную, оборудованную кожаным диваном, двумя креслами и разлапистой монстерой приемную и принялась с ходу извиняться перед высокой сухопарой женщиной в густой черной вуали.

– Извините, ради бога, Ирма Константиновна. Пробки, – сбивчиво бормотала Ольга, стаскивая с себя куртку.

– Не поминайте Господа всуе, – с достоинством заметила клиентка, поднимаясь навстречу. – Впрочем, мы с Женечкой мило побеседовали.

Женя Башмаков, коренастый блондин двадцати пяти лет, студент-заочник юридического факультета МГУ и единственный Ольгин сотрудник, с готовностью распахнул перед ними дверь в кабинет. Пропуская дам, он вежливо поинтересовался:

– Как всегда кофе?

– Кофе я уже три месяца как не пью, – назидательным тоном заметила Ольга, – пора бы запомнить. Чай с лимоном, будь любезен.

– Вам звонил подполковник Дубовой. Уже дважды, – шепнул Женя ей на ухо и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Ольга вздохнула и повернулась к Ирме Константиновне. Пожилая матрона устроилась в мягком зеленом кресле у письменного стола и с видом обреченной уставилась в окно. Вдова

богатого промышленника, она панически боялась молодой невестки. Вторая жена ее сына, особа ушлая и решительная, по мнению Ирмы Константиновны, задумала избавиться от свекрови, с целью завладеть бизнесом ее покойного мужа. Оставшееся после смерти господина Котова наследство представляло собой весьма лакомый кусок – девять заводов по производству соков известной марки.

– Этой мерзавке на булавки не хватает! – гневно восклицала клиентка. – Голодранка! Пришла в дом без гроша, опоила моего Вадика невесть чем и теперь вертит им, как собака хвостом. Я уверена, что она потихоньку меня подтравливает. Последние три месяца я чувствую себя ужасно. Вы меня понимаете?

Ольга понимала и предполагала, что Ирма Константиновна мается от безделья, ипохондрии и начальной стадии деменции, но слово клиента, как известно, – закон. И Ольга с Женей в течение двух месяцев собирали для вдовы сведения об образе жизни невестки. Фантазии об отравлении не подтвердились, зато выяснилось, что невестка – завсегдатай крупных казино – систематически закладывает подаренные ей мужем драгоценности в ломбард.

Ольга печально вздохнула, настоящим делом ей не приходилось заниматься давно, и все эти ревнивые жены, мужья-рогоносцы, маразматические свекрови и прочая житейская ерунда встали поперек горла, но деньги...

Два года назад после успешного раскрытия ряда всяков капитан милиции Ольга Палева, что называется, «звезду словила». Поверив в собственную незаурядность, она решила оставить службу и уйти на вольные хлеба – открыть собственное детективное агентство. Расчет оказался верным, работа на себя отличалась полным отсутствием бюрократии и приличной доходностью, но имела и серьезный побочный эффект, как то: отсутствие настоящих преступлений. Ольга тосковала по живому интересному делу, но деньги...

Она невольно зажмурилась. Олег – начальник планово-финансового отдела компании по продаже оборудования для сортировки и измельчения отходов – зарабатывал скромно, а если учесть, что через шесть с половиной месяцев у них появится ребенок и Ольге придется временно оставить работу, то следовало подумать о финансовой подушке. А значит, нужно продолжать работать. Необходимо взять себя в руки и подробно отчитаться перед страдающей маниакально-депрессивным расстройством Ирмой Константиновной, а потом терпеливо выслушать ее очередные бредни. Сообщение Жени о звонке Дубового ее приободрило, со Стасом они дружили давно. После окончания университета МВД лейтенант милиции Палева была направлена в Дмитровское ОВД, где майор Дубовой взял ее под свое крыло. Смышленная кареглазая девчушка подавала надежды, Дубовой спуску ей не давал: грузил работой нещадно, брал с собой на места преступлений, учил, хвалил, распекал, словом, гонял так, что Ольга по вечерам частенько плакала от обиды и усталости. Теперь она считала Стаса лучшим другом и была безмерно благодарна за суровую муштру, а тогда ненавидела его всеми фибрами души, каждый божий день намереваясь писать заявление об увольнении.

Ольга отлично знала, что по пустякам Стас не звонил, – пахнет чем-то стоящим. При мысли о настоящем деле на губах Ольги заиграла довольная улыбка, она совершенно забылась и, отвечая собственным мыслям, мечтательно произнесла вслух:

– Эх, хорошо бы и в самом деле так, – но тут заметила, как негодующе взлетели выщипанные в ниточку брови Ирмы Константиновны, и до нее дошел смысл последней фразы клиентки:

– ...думаю, что теперь она планирует убить моего сына.

– Извините, Ирма Константиновна. Ради бога, извините. Отвлеклась. Так что навело вас на подобные мысли? – встрепенулась она и, подыгрывая тронутой старушке, озабоченно нахмурилась. – Я вся внимание.

Вдова подозрительно покосилась на Ольгу, но глаза частного детектива излучали живой интерес и такое искреннее сочувствие, что Ирма Константиновна потеряла бдительность и продолжила рассказ.

Минут через сорок, когда удовлетворенная визитом вдова, плотно завесившись вуалью, вышла из кабинета, Ольга позвонила Дубовому.

– Привет служителям закона, – радостно выпалила она. – Говорят, ты вспомнил о существовании скромного частного деятеля?

– Вспомнил, вспомнил, – прогудел Дубовой.

– И по какому же поводу? – Ольга в нетерпении потирала руки.

– У нас с Настей серебряная свадьба через месяц. Дожили, понимаешь. Ресторан «Mari Vanna», что в Спиридоновском, знаешь? 28 февраля в 18:00. Покорнейше просим быть, – Стас вздохнул так, что в трубке затрещало.

– И это все? – не сдержалась Ольга.

– Тебе мало? Да мне в наши смутные времена орден полагается «За верность». Двадцать пять лет с одной женщиной, и с какой женщиной! То ж генералиссимус в юбке! Маргарет Тэтчер! А ты: «И только...», – с обидой передразнил ее Стас. Хотя, если тебе мало, есть тут одно дельце.

– О, вот это по-нашему, по-бразильски! – рассмеялась Ольга. – А то орден на свадьбу, орден на свадьбу. Еще неизвестно, кому тот орден полагается! Ты тоже не сахар, надо признать.

Они проговорили с четверть часа, и, по мере того как подполковник рассказывал, лицо Ольги менялось. Из радостно любопытного оно сделалось встревоженным, потом мрачно озабоченным, и наконец она спросила:

– И что, никаких предположений? Четыре трупа за неделю и никаких намеков на преступника? Бред.

– Бред или нет, а факт налицо. Сама-то как? – Стас перевел разговор на другую тему.

– Тошнит помаленьку, – призналась Ольга.

– Мужик будет, это я тебе как врач говорю, – убежденно сказал подполковник.

– Очень может быть, – язвительно заметила Ольга, – если развить твою мысль логически, то от вас, мужиков, тошнить начинает с момента зачатия.

– Тьфу ты! – огорчился Дубовой. – Я с ней по-человечески, а она...

– Пошутила я, Станислав Викторович. Куда мы без вас?

– Вопрос риторический. Ладно, извинения принимаются. А о деле на свадьбе поговорим.

Возможно, к тому времени что и всплывет.

– Что дарить-то? Может, пожелания есть?

– Я же сказал – орден. Вот и чекань, – прогудел Стас и отключился.

Ольга положила трубку и задумалась. Дубовой рассказал любопытную историю, случившуюся в небольшом подмосковном городке Рузавине. История запутанная, ее следовало хорошенько обдумать. Но тут в дверь постучали, и Женька ввел очередную посетительницу.

Невысокая белокурая женщина в костюме от Chanel и с нелепой в зимнее время желтой сумкой через плечо испуганно замерла на пороге. Ольга ободряюще улыбнулась, поздоровалась и предложила незнакомке присесть. Пробормотав что-то нечленораздельное, дама осторожно обошла кресло для посетителей и присела на краешек стоявшего у стены стула, положила сумку на колени и виновато улыбнулась. От посетительницы разило дорогими, но приторными духами, Ольга напряглась, чуя, как к горлу вновь подкатывает проклятый комок.

«Черт бы тебя побрал, – неприязненно подумала она, разглядывая даму. – Небось, по поводу неверного мужа приволоклась. Господи, как же это скучно. Когда людям нечем заняться, они начинают отравлять жизнь другим и чаще всего своим близким. Почему она так долго молчит? Я задохнусь в облаке ее парфюма прежде, чем она скажет, зачем явилась».

Пока дама собиралась с мыслями, Ольга достала из ящика письменного стола нюхательную соль, сунула ее себе под нос и судорожно задышала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.